

Елена Арсеньева
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
СТРАСТИ

Алчность

Елена Арсеньева
Обворожительная
маркиза (Мари-Мадлен
де Бренвилье, Франция)
Серия «Преступления
страсти. Алчность»

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162703

Арсеньева Е. Преступления страсти. Алчность: Авторский сборник:

Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-25612-9

Аннотация

Жажда богатства – одна из самых сильных человеческих страстей. И одна из самых опасных. Потому что чаще всего приводит того, кто встал на путь наживы, к преступлению... Да, имена многих – к примеру, конкистадора Эрнандо Кортеса, обворожительной маркизы-отравительницы Мари-Мадлен де Бренвилье, пирата Генри Моргана, любимца Петра Великого Александра Даниловича Меншикова – записаны на скрижалях истории. Но эти люди шли к своему богатству по трупам, а

потому их страдания не вызывают сострадания. Что, наверное, закономерно. Наверное...

Содержание

(Мари-Мадлен де Бренвилье, Франция)

5

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Елена АРСЕНЬЕВА ОБВОРОЖИТЕЛЬНАЯ МАРКИЗА

(Мари-Мадлен де
Бренвилье, Франция)

Кончина этой дамы была столь ужасна, что невольно заставляет исполниться к ней самой горячей жалости... но лишь до той поры, пока не узнаешь, что, собственно, послужило причиной такой жестокости людей по отношению к ней. Да всего-навсего ее собственная жестокость! Она получила по заслугам. Но разве заслуженно пострадали те, кого мучила и убивала она? Нет, они не совершили никаких преступлений против нее. Жертвами ее они стали по одной причине – из-за непомерной, изумляющей алчности сей особы. Звали ее Мари-Мадлен де Бренвилье, и она стала во Франции притчей во языцех, именем почти нарицательным, олицетворением невероятной алчности и ошеломляющей бессердечности... а также удивительной красоты, которая сопровождала ее ужасным качеством.

Есть такое растение – саррацения. Ему подобна и неза-

мысловатая росянка. Они в самом деле похожи на цветы, но вместо лепестков у них – так называемые ловчие листья. Растения такого рода выглядят неодолимо приманчиво для глупеньких мошек, но стоит тем коснуться его листьев, как они захлопываются – и насекомое погибает, отравленное ядом, который она приняла за нектар. Да, это лишь обманка, яд прикинулся нектаром, лист-ловец прикинулся цветком... Точно так же Мари Бренвилье лишь прикидывалась нежной и милой женщиной с сострадательным сердцем. Но вместо сердца у нее был бездонный кошель, наполнить который было невозможно!

А между тем все началось именно с сердца – с сердечной привязанности, с любви. С самой пылкой и страстной любви, которая однажды вспыхнула в сердце Мари-Мадлен Бренвилье, обворожительной супруги маркиза де Бренвилье, полковника Нормандского полка. Люди, видевшие сию даму, описывают ее самыми восхищенными словами, словно некий нежный цветок: «В возрасте двадцати восьми лет маркиза Бренвилье была в расцвете красоты; при невысоком росте отличалась прекрасной фигурой; у нее было поразительно миловидное округлое лицо, а правильные черты казались тем правильней, что их никогда не искажали никакие внутренние волнения; при взгляде на нее казалось, что это лицо статуи, которое силой волшебства вот-вот обретет жизнь, и очень многим случалось принимать за ответ без-

мятежности, присущей чистой душе, то холодное и жесткое безразличие, что является всего лишь маской, скрывающей уязвленность...»

Чем же была уязвлена обворожительная особа, жена преуспевающего человека, дочь состоятельного, высокопоставленного отца? Да ничем таким особенным. Просто хотела быть свободной и богатой, просто жаждала неограниченной власти над своими поступками и поступками других, а такую власть, как она полагала, дает лишь большое, нет – очень большое состояние. Однако глупенькие людишки никак не были способны понять ее устремления – отец и прочие родственники с детства твердили Мари, что страсти свои, алчность свою нужно умирять, а в жизни надобно следовать не удовлетворению собственных потребностей, а скучным заповедям Божиим...

Она выскочила замуж за человека, которого презирала всей душой, лишь потому, что мечтала как можно скорей избавиться от докучной родительской опеки. Однако убедилась вскоре, что мужу на нее вообще наплевать: прибрал к рукам приданое жены (двести тысяч ливров сумма немалая!) – и оставил ее в покое, снова предался скучной жизни военного, и в жизни той совершенно не было места заботе о жене, об удовлетворении ее прихотей. Самым большим «уязвлением», которое терпела Мари, была невозможность найти родственную душу, человека, который бы во всем ее понимал.

Но однажды случилось так, что Господь услышал ее мо-

литвы... А впрочем, вряд ли Господь – скорее всего, враг рода человеческого обнаружил, что нашел себе достойную слугу, а потому послал ей в утешение некоего господина по имени Годен де Сент-Круа.

Он был дворянин, а потому к имени его, как правило, прибавляли звание «шевалье», и служил капитаном полка де Траси, который стоял рядом с Нормандским полком, где обретался маркиз де Бренвилье.

Обоим мужчинам было лет по тридцать, они вскоре подружились, да так, что маркиз предложил Сент-Круа, у которого не было своего жилья, обосноваться в его доме. Да, у Сент-Круа не было ничего своего: ни дома, ни имущества, ни денег, ни жены – он пользовался тем, что мог обрести благодаря благосклонности друзей. И вот, внимательней приглядевшись к жене великодушного маркиза де Бренвилье, шевалье решил попользоваться также и ею... благо со стороны Мари-Мадлен к сему не наблюдалось никаких препятствий.

Итак, две родственных души обрели друг друга с первого взгляда и вскоре соединились телесно – в одной постели. На ту пору – а дело происходило в 1665 году – не случилось никакой, даже самой немудреной войны, и полковник Бренвилье, изнывая от скуки, занялся тем, что направо и налево транжирил и свое состояние (не слишком-то значительное, между нами говоря), и состояние жены (во много раз его собственное превышающее). Приятное занятие поглощало его целиком, и он совершенно не обращал внимания на то, что

творилось у него под носом. Жена и ее любовник устраивали свои дела, как хотели, особо и не заботясь скрываться, а муж и в ус не дул. Мари-Мадлен подумала, что ей, оказывается, очень повезло с мужем, зря она на него сердилась раньше, и какое-то время жила в полном счастье и гармонии с Сент-Круа. Блаженство ее было нарушено однажды самым резким и неприятным образом. О нет, не подумайте, никакой пошлости вроде того, что не вовремя воротился ревнивый супруг, не произошло. Просто слухи о легкомыслии дочери и попустительстве зятя дошли до отца Мари-Мадлен де Бренвилье, господина де Дрё д'Обре, и это ему очень не понравилось – и как дворянину, и как судейскому чиновнику.

Разумеется, отец не мог поверить, что его родная дочь в принципе лишена каких бы то ни было моральных устоев, а может быть, он не считал, вопреки общепринятому мнению, всех женщин сосудами греха, но во всем случившемся он обвинил только Сент-Круа. Причем взялся за дело обвинения столь серьезно, что вскоре добился заключения его в Бастилию. Арест свершился в тот момент, когда маркиза и ее любовник отправлялись в карете на увеселительную прогулку, так что, можно сказать, Сент-Круа был вырван из привычной жизни в разгар удовольствий и радостей. Вырван и брошен в тюрьму. Тюрьма вообще, а Бастилия тем паче отнюдь не является тем местом, о пребывании в котором может мечтать человек, пусть он даже прелюбодей, предатель друга и злодей в душе.

Сент-Круа, озирая убогое узилище, осклизлые каменные стены, крошечное зарешеченное окошко под потолком, на-ры, на коих ему предстояло спать, взмолился в ужасе. Однако молился он без надежды на Божье милосердие, а взывал к тому, чье имя произносил гораздо чаще, то есть к дьяволу. И в то мгновение почудилось ему, будто властелин ада услышал его мольбы, потому что Сент-Круа обнаружил, что он в каземате не один, у него есть сосед, и сосед этот – некто, чье имя наводило страх на людей добропорядочных, богобоязненных, уважающих закон и почитающих жизнь других такой же ценностью, как жизнь собственную.

Звали того человека Экзили, и был он одним из самых известных и ужасных отравителей, о каких только приводилось слышать во Франции и за ее пределами. Он был родом из Италии, которую ему пришлось покинуть: слишком странные слухи ходили о его делах, хотя доказаны многочисленные свершенные им отравления не были. Он продолжал деятельность свою и в Париже: ведь всегда найдутся люди, готовые хорошо заплатить за то, чтобы вырыть яму ближнему своему, – но в конце концов попался в руки властей и был брошен в Бастилию. Однако, даже чуя свой смертный час, не мог побороть страсти к уничтожению. О нет, Экзили не отравил Сент-Круа, хотя, ей-богу, это пошло бы только на пользу человечеству, – он передал ему все те знания, которыми владел, только и всего. Причем передал он Сент-Круа не только тайну ядов, неумолимых, как сама смерть, но и

посвятил его в бездны коварства, с которым совершал свои преступления. Эскили сообщил, что убийца должен являться своей жертве отнюдь не в капюшоне палача, а прикрывать истинный лик самым нежным флером, смягчать отраву самым сладким медом, расточать не угрозы, а приятные, ласковые речи... Именно он привел Сент-Круа в пример коварства милые такие растения – саррацению и росянку, приманчивые и губительные.

Сент-Круа провел в тюрьме год. За это время он перенял у Эскили все, что было возможно, и, лишь только вышел на свободу, решил как можно скорей применить новые знания на практике. Разумеется, он поделился ими с Мари Бренвилье – а как же иначе, ведь она ждала его весь этот год – хлопотала о его освобождении, подкупала тюремщиков, чтобы скрасить его заточение, передавала еду, теплые вещи, мягкую постель и цветы!.. Она даже нового любовника не завела. Однако история умалчивает о том, что именно явилось причиной такой верности: истинная страсть к Сент-Круа или же то суровое попечение, которым окружили ее отец, перевезший дочку в Париж, и науськанный им маркиз де Бренвилье, которому вдруг стало не наплевать на то ветвистое украшение, кое он носил на голове по милости супруги, и который вдруг заделался ужасным ревнивцем.

Однако обстоятельства сложились так, что маркиз отбыл из Парижа в свой полк именно в то время, когда Сент-Круа вышел из заточения, что и способствовало встрече любов-

ников.

Отдав дань радостям плоти, они перешли к более «возвышенным» занятиям, а именно – принялись обсуждать новые знания Сент-Круа и те возможности, которые сии знания перед ними открывали. У обоих просто руки чесались подкрепить теорию практикой. И тут верные любовники и единомышленники чуть было не поссорились впервые – они никак не могли решить, кого первого отравить. Сент-Круа затаил огромную обиду на своих тюремщиков, которые чинили-таки ему многие неприятности, и если они делались мягче масла в те дни, когда до них доходили подачки мадам де Бренвилье, то становились тверже булата, когда их милосердие не оплачивалось. Да, да, Сент-Круа мечтал прежде всего отомстить им.

Однако его любовница, женщина весьма практичная, подсказала, что надо быть выше мелкой мести. В конце концов, тюремщики находились на службе. Ну работа у них такая: терзать заключенных. Не окажись у них в руках Сент-Круа, они мучили бы кого-то другого. А почему именно Сент-Круа сделался их жертвою? Да потому, что его упек в узилище господин де Дрё д'Обре, отец Мари-Мадлен. Так не лучше ли расправиться с ним, тем паче... тем паче что после его смерти Мари-Мадлен должна унаследовать очень немалые деньги, которые позволили бы ей зажить с любовником в свое удовольствие и не считать каждый грош, который пока она вынуждена была кланчить у расточительного, но в то же

время такого скупого супруга. Ведь, по законам того времени, мужу принадлежало только приданое жены, а все деньги, которые становились ее собственностью после заключения брака (скажем, при получении наследства), переходили в ее полное распоряжение, если, конечно, она сама не желала передать их супругу. А Мари-Мадлен совершенно точно знала, что она этого не захочет.

Право, прикончить де Дрё д'Обре был прямой резон, и Сент-Круа с подругой по зрелом размышлении согласился.

Оставалось изготовить яд...

Любовники только начали потихоньку покупать необходимые для сего ингредиенты, как вдруг случилось нечто, весьма их окрылившее и вселившее уверенность в том, что дело их постине правое. Экзили был выпущен из тюрьмы (по протекции одного из прежних клиентов, человека признательного). Итак, отравитель снова вышел за свободу. И хотя за ним был установлен надзор, это не помешало ему тайно принять Сент-Круа в своем новом жилище близ площади Мобер (к слову сказать, именно Сент-Круа через подставное лицо и снял для Экзили домик) и в знак признательности изготовить для него один из самых сильных и быстродействующих ядов, предупредив, что снадобье, прежде чем применить, необходимо все же опробовать на ком-нибудь – неважно, на ком, важно только, чтобы смерть того человека не вызвала особого возмущения и удивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.